

Свадебное платье ей жало, от него пахло нафталином, а цвет его, когда-то наверняка белый, теперь было трудно определить, — то ли кремовый, то ли желтоватый. Что говорить, не о таком бракосочетании мечтала Валентина в пятнадцать лет... Платье принадлежало Рамоне, матери мужчины, за которого она вышла замуж и который даже не удосужился поцеловать ее, когда регистратор объявила их мужем и женой. Свекровь, женщина жесткая и неприятная, была гораздо полнее Валентины, но платье чуть по швам не трещало — все-таки четвертый месяц беременности. Непонятно, почему этот мужчина согласился жениться на ней, ждущей ребенка от другого.

Валентина сняла платье. Осталась в комбинации — дешевенькой, купленной на рынке. Сколько раз она представляла себе, какое белье купит для первой брачной ночи! Что-то вроде того, в котором девчонки из клуба принимают клиентов. Вместо этого на ней были белые трусы и не идущий к ним лифчик, с грехом пополам поддерживавший грудь, которая все росла и росла. От собственного отражения Валентине стало грустно и тошно.

И все же она гораздо привлекательнее, чем ее муж Антон — маленький, угрюмый, с редкими, несмотря на

молодость, волосами, и бегающим взглядом. Он воняет так, словно неделями не моется; кажется, у его пота запах свиного хлева. Эта вонь преследует Валентину с первой минуты в доме, где она теперь будет жить — видимо, всегда.

Ей двадцать три, она лет на пять старше своего новоиспеченного супруга. У Валентины стройная фигура, правда уже слегка подпорченная беременностью. Лицо вот не очень — индейских черт, присущих почти всем боливийцам, не скроешь. Ей-то они никогда не казались уродливыми, но испанцам не нравились. Знали бы они, сколько всего ей не нравилось в мужчинах, которых она встречала в этой стране.

С тех пор как она приехала в Испанию, удача не улыбнулась ей ни разу, даже мельком. Хотела открыть свой магазинчик, а пришлось прислуживать в доме, где хозяин насиловал ее каждый раз, когда они оставались наедине, пока хозяйка, видимо что-то почувствовав, не уволила ее без объяснений. Она успела сменить не одну работу, пока дело дошло до этой свадьбы, а что дальше — неизвестно: может, ее ждет спокойная счастливая жизнь, а может, она совершила страшную ошибку. Она ведь просила совсем немного: лишь бы дом не вонял свиным навозом, а супруг был чуть симпатичнее, мужественнее и приятнее, чем Антон. Но все пошло наперекосяк, и единственное, что ей удалось — выйти замуж, — привело ее в эту деревню, в этот дом, оказавшийся не намного лучше покинутого ею дома в окрестностях Санта-Крус-де-ла-Сьерра, где она родилась и где отец собственноручно сложил очаг.

В тех краях к свадьбе готовятся заранее, пиво льется рекой, мясом кормят досыта; гости приходят в лучших нарядах, вокруг мелькают вышитые юбки и сомбреро; приглашенные музыканты играют вальс, под который кружат-

ся жених и невеста, — это поистине счастливый день. На свадьбе Валентины гостей не было — только они с Антоном и Дамасо с Рамоной, родители жениха, они же свидетели. Никакой музыки; никто не осыпал молодоженов ни рисом, ни цветочными лепестками. Все угощение состояло из прохладительных напитков в баре на площади, мисочки сухофруктов и порции кальмаров, которыми их угостил Анисето, хозяин бара, обрадованный появлением новой посетительницы. Он единственный поздравил Валентину и нерешительно крикнул: «Здоровья новобрачным!»

Сейчас она была в комнате одна, муж с ней не пошел. Она-то думала, что он захочет исполнить супружеский долг безотлагательно, однако Антон, похоже, предпочел дожидаться ночи. За все время недолгого ухода, вернее, пантомимы, предшествовавшей свадьбе, он ни разу не выказал ни малейшего интереса к ней.

— Через полчаса ужин, не опоздай.

Рамона вошла без стука, застав ее перед зеркалом в трусах и лифчике. Она никак это не прокомментировала, но Валентина остро ощутила презрительное равнодушие свекрови. За эти полчаса принять душ она уже не успеет, смыть с себя запах нафталина и ощущение, будто выпачкалась в грязи, не получится — но спорить Валентина не решалась.

С Антоном она познакомилась всего две недели назад. Это его отец, Дамасо, заметил ее в клубе — нет, не среди хостес, она всего лишь мыла там посуду, полы и туалеты.

— Если выйдешь за моего сына, вытащу тебя отсюда, — предложил он. — Мы не богачи, но у тебя все будет.

— Я беременна.

— Ребенку дадим нашу фамилию.

Вот и все. Она даже не спросила, чем они занимаются, только обрадовалась, что малыш, которого она ждала, —

она до сих пор не знала, мальчика или девочку, — будет жить в нормальном доме, а не в придорожном клубе в окружении проституток. Что ему не придется терпеть нужду, как приходилось ей.

На ужин подали фрикадельки, просто превосходные, вкуснее Валентина в жизни не пробовала. За ужином все молчали, только Дамасо, свекор, объяснял ей, что самое главное здесь — свиньи, они всех кормят. Рассказывал, как ухаживать за животными, в какие часы давать им еду, что и как убирать...

— Такие тут правила, — заключил он.

Это не правила, поняла Валентина, это законы. И, судя по общему молчанию, их соблюдение обязательно.

После ужина она ждала мужа в спальне. Полагая, что теперь-то он захочет с ней спать, Валентина приготовилась — надела ночнушку, подарок одной девчонки из клуба, в которой та встречала клиентов и которая, по словам проститутки, заводила мужщин. «Сделай так, чтобы он тебя захотел, и хватай его за яйца. Если все получится, неважно, каким способом, он всегда будет о тебе заботиться».

Отец ее ребенка и не думал о ней заботиться, он был проезжим, случайно заглянувшим к ним в клуб. Она не помнила ни его имени, ни зачем переспала с ним, даже не была уверена, что узнает его при встрече. Деликатностью испанцы не отличались, все это она уже испытала и чего-то подобного ждала этой ночью от мужа. Но Антон, похоже, был не таким: войдя в комнату — к вони свинарника теперь примешивался запах вина, — он не стал ни целовать ее, ни желать доброй ночи. Лег и заснул.

Валентина тоже попыталась уснуть, но безуспешно: ее одолевала тоска. В три часа ночи она вышла из комнаты и впотьмах побрела по дому, думая о своем безрассудном по-

ступке. За считанные дни она вышла замуж и дала запереть себя вдали от мира, с мужчиной, который был ей отвратителен, и его властными родителями. Валентина попыталась отогнать страх. Антон всего лишь робкий мальчишка, постепенно она сумеет его приручить. Зато ей удалось найти спокойное место, чтобы родить ребенка. Что бы иначе ждало ее малыша? Ведь у нее ни гроша за душой!

Она вышла на огромное поле, освещенное луной. Дорожка вела к свинарникам. Надо убедить себя, что когда-нибудь она полюбит это место, станет считать его родным. Проходя мимо загонов, где спали свиньи, она вдруг услышала страшный грохот. Как будто одно из животных бросилось на дверь и ударилось о металлическую решетку. Она подошла ближе и различила внутри загона двух голых мужчин, закованных в цепи.

— Привет, — произнес тот, что бросался на дверь.

Мужчина мастурбировал, слюна струйкой стекала у него изо рта; другой сидел на корточках и смеялся. Валентина плохо видела их в темноте, и, если бы не приветствие, не была бы уверена, что перед ней люди, а не животные. Внезапно у нее за спиной раздался голос:

— Что ты тут делаешь?

Дамасо, свекор.

— Еще раз нарушишь правила, попадешь сюда же, в загон.

Валентина инстинктивно обхватила руками живот, чтобы защитить малыша.

Глава 1

Народу в баре было полно, в основном испанцы, но еще несколько групп китайцев и парочка других туристов. Декор был азиатским: фонарики и разноцветные гирлянды с китайскими иероглифами. Фигурка, смутно напоминающая кошку, махала лапой в знак приветствия. Если не считать этой мишуры, здесь все было, как в обычном баре: жестяная стойка, пластиковые столики, пепельницы с логотипами ликера «Чинар» или мартини — получается, тут все еще можно курить.

Ческу мало волновало, что в баре, где раньше работал Пако из Сеговии, знакомый ей с тех пор, как переехал в их квартал, теперь повсюду иероглифы и статуэтки Будды. Официант с раскосыми глазами подает кофе без кофеина, но с молоком, и правильно наливает пиво. А рубец по-мадридски здесь сейчас готовят даже лучше, чем в прежние времена. Имя у официанта непроизносимое, так что посетители-испанцы и его окрестили «Пако». Новый Пако, хоть и китаец, родом из этого квартала, так что по-испански говорит не хуже остальных.

— Пако, дай мне баночку пива с собой и скажи, сколько с меня.

— Ты сегодня моя гостья. Не останешься? Праздник еще не начался.

— Домой пойду. У меня конъюнктивит, мне вообще вылезать не стоило. Зашла только пожелать тебе хорошего года Свиньи.

— Спасибо, но я родился в Мадриде, в Милагросе... У меня год закончился тридцать первого декабря. А это все китайские штучки, — рассмеялся он.

Ческа посидела бы подольше, ей нравилась атмосфера, но в баре было не протолкнуться, и у нее чесались глаза. Кроме того, завтра ей рано вставать: ее вызывали в суд на площади Кастилии, свидетелем по делу организации, похищавшей людей, которое раскрыл отдел криминалистической аналитики. Это входило в ее обязанности координатора ОКА — координатора, а не начальника, как не уставал повторять Рентеро. А разговор с Сарате пару часов назад убил остатки праздничного настроения. Она рассчитывала на совместный ужин, но Сарате свалил к своим друзьям. Ческа и сама не поняла, почему так на него разозлилась: они взрослые люди, каждый делает что хочет. И все-таки...

У выхода она посторонилась, чтобы пропустить процессию, участники которой изображали дракона, пританцовывая под барабаны и что-то вроде бубнов. Ческа не представляла, как все они поместятся в баре, но посетители подались в стороны, освобождая пространство; Пако как-то говорил ей, что чем больше веселья и суматохи, тем удачнее будет наступающий год.

Народу было много и на улице, но она нашла уголок, чтобы закапать в глаза капли, которые ей посоветовал Буэндиа. Открыла баночку «Махоу» и сделала большой глоток, глядя на праздничную толпу и вслушиваясь в гул музыки,

аплодисментов и петард. Вдруг к ней подошел мужчина, с виду испанец, но обратился на китайском:

— *Чжуньян цзисян.*

— Ни слова не поняла, — ответила она с улыбкой.

— Подожди, я повторю. — Он вытащил из кармана бумажку и прочитал: — *Чжуньян цзисян.*

— И что это значит?

— Один китаец сказал мне, что так желают удачи в год Свиньи. Хотя кто его знает, может, это означает роллы Примавера или свинину в кисло-сладком соусе, и тогда получается: хорошего года Кисло-сладкой свинины. Меня зовут Хулио.

— Ческа.

Он поцеловал ее в щеку. Ческа разглядывала Хулио: высокий, хорошо сложен. Правда, зеленая куртка с рыжей подкладкой выглядела несколько старомодно. Вроде бы симпатичный мужчина, к тому же, кажется, с чувством юмора.

— Ты местный? — спросила она, удивляясь, что никогда раньше его не встречала. Мадрид — большой город, но люди здесь живут в иллюзии, что в своем районе они знакомы со всеми.

— Да нет, я в Мадриде новичок. Я преподаватель, и меня перевели в эту дыру, местный институт. — Он тут же спохватился: — Прости, ты же сейчас скажешь, что сама училась в этом институте, и пошлешь меня.

— Не переживай, я переехала сюда уже взрослой. И вообще, я училась у монашек.

— Даже не знаю, что хуже.

— Монашки, — засмеялась Ческа.

Они купили четыре банки пива и пакет чипсов и направились к площади Хулиана Мариаса. В районе улицы Марсело Усеры бушевало празднование китайского Нового года,

но на противоположной стороне площади виднелось несколько скамеек, где можно было посидеть в тишине.

— Я ребятам говорю: раз вы здесь, в аудитории, значит, вы выбрали другую жизнь, не такую, как у тех, кто болтается на улицах или целыми днями сидит в парке Прадолонго с пивом, травой и таблетками.

Ческа не во всем была согласна с Хулио, но омрачать флирт спорами не хотелось, поэтому она мягко возразила:

— Неужели этот институт настолько плох? Я почти местная, и мне он не кажется таким ужасным. Не лучшее заведение, но и не худшее в Мадриде, отнюдь не худшее.

— Может, со времен твоего студенчества он изменился... Я им твержу: будьте сильными, идите по жизни с высоко поднятой головой. Всегда есть выбор.

Ческа удивилась: Хулио практически воспроизвел сцену из «Опасных умов» с Мишель Пфайффер, присвоил реплики главной героини. Ну да ладно, может, этот смазливый тип считает, что цитировать кино — лучший способ завоевать женщину. А ей сейчас не помешает немного развеяться, отвлечься от работы в ОКА, от завтрашнего суда и от ссоры с Сарате. Нужно выбросить все это из головы, а парень, кажется, вполне подходящий. Ческа закрыла ему рот поцелуем.

— Далеко живешь? — спросила она.

— Далековато, — ответил он скорее растерянно, чем взволнованно.

— Ты на машине?

— Нет, на метро приехал.

— Поехали на моем байке.

Проще было бы привести его домой, но она не решилась: вдруг Сарате уйдет со своей дружеской пьянки и застанет ее в постели с мужчиной, с которым она только что познакомилась. Лучше не рисковать.

На мотоцикле они доехали до площади Комендадорес, припарковались там и поднялись в крошечную квартирку. Глаза продолжали чесаться, и Ческа пошла в ванную закапать капли. Отметила, что ни на раковине, ни на стеклянных полочках нет никаких личных предметов, но не стала об этом задумываться, — ей так хотелось секса, она так давно не занималась им ни с кем, кроме Сарате, что по спине бежали мурашки.

Хулио ждал ее с открытой бутылкой вина и полным бокалом. Он уже снял рубашку, и увиденное Ческе понравилось. Чокнувшись, они стали целоваться. Он оказался мастером прелюдии и не спешил ее раздевать. Похоже, собирался сделать все медленно, но Ческа сразу сбросила одежду. Ей бы перепихнуться по-быстрому — и домой. Она толкнула его на кровать, села сверху и вдруг ощутила сильный приступ тошноты. Хулио опрокинул ее, обнял и начал целовать, она пыталась расслабиться, но разум твердил ей, что происходит что-то странное... Его губы спустились к ее паху, и тошнота смешалась с волной наслаждения. Она закрыла глаза — а когда снова открыла их, заметила, что по комнате промелькнула тень. Ческа совершенно точно ее видела. Ускользящее сознание успело зафиксировать жутковатую мысль: они с Хулио здесь не одни. Раздались какие-то хрюкающие звуки, но это был не Хулио, звуки доносились из другого места. В свете уличных фонарей нарисовался силуэт: прислонившись к дверному косяку, за происходящим как ни в чем не бывало наблюдал мужчина. А в изножье кровати появились две головы: они как замороженные следили за каждым ее движением.

Ческа хотела вырваться, бежать, но ни мышцы, ни разум ей уже не подчинялись.